

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6963 ГОД

Глава 1	
Мёртвая Парма	11
Глава 2	
Хумляльт	16
Глава 3	
Канская тамга	21
Глава 4	
Станица	29
Глава 5	
Балбанкар	40
Глава 6	
Усть-Вым	49
Глава 7	
Владыка	62
Глава 8	
Набег	75

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
6969–6977 ГОДЫ

Глава 9	
Пусто свято место.....	91
Глава 10	
Возвращение Птиц.....	100
Глава 11	
Иона Пустоглазый.....	113
Глава 12	
Только свети.....	130
Глава 13	
За синие леса.....	148
Глава 14	
Кровь Пельма.....	167
Глава 15	
Беспощадная.....	188
Глава 16	
На чужом пиру похмелье.....	209

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
6980 ГОД

Глава 17	
Поганая скудельня.....	231
Глава 18	
Беличьи Гнёзда.....	253
Глава 19	
Лютожирый.....	268
Глава 20	
Прокудливая берёза.....	291

Глава 21	
Чур сочтёт.....	307
Глава 22	
Искорка.....	324
Глава 23	
Княжий вал.....	341
Глава 24	
Узкая Улочка.....	365

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
6981–6990 ГОДЫ

Глава 25	
Слюдяное солнце.....	383
Глава 26	
Горе княжения.....	407
Глава 27	
Пелино поле.....	425
Глава 28	
Талая Вода.....	453
Глава 29	
Чердынь — русская застава.....	495
Глава 30	
Огонь Полюда.....	520
Глава 31	
Путь Птиц.....	546
Глава 32	
Поющие стрелы.....	572

*Вы — свет мира. Не может укрыться
город, стоящий на верху горы.*

МАТФЕЙ 5:14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

6963 ГОД

ГЛАВА 1

Мёртвая Парма

Зелёное золото Вагирйомы тускло отблёскивало сквозь прорезы в кожаном шатре, расшитом понизу багрово-красными ленточками. Шатёр стоял на помосте, укреплённом на спинах двух оленей, что устало шагали за конём хонтуя. Позади остался длинный путь от родного Пельыма, путь извилистый и непростой: через многие хонты своей земли, через священное озеро Турвát, на жертвенники у Ялпы́нга, по отрогам Отортена и на́полдень по Каменной Во́рге до самых Басегов. Хаканы встречали караван, меняли быков, помогали тянуть лодки вверх по рекам, тащили через перевалы и прощались, отправляя вместе с хонтуем по два-три воина от своих селений. К тому времени, как Вагирйому довели до Чусвы, у Асыки уже собрался сильный отряд в семь десятков манси. Оставив плоты у последнего павы́ла перед устьем Туявита-Сылвы, хонтуй повёл караван лесами напрямик к Мёртвой Па́рме.

Вековой ельник заслонил небо растопыренными космами, и только вдали, перед Пармой, вспыхивали слепящие пятна заката среди разошедшихся вершин. На тропе, заросшей орляком, загромождённой обомшелым валежником, было холодно и сумрачно. Сумрачно было и на душе у князя. Прежде чем везти сюда Вагирйому, он объехал свои владения, и теперь с ним лучшие манси, сын Юмшán и сыновья хаханов, с ним пурихумы-жертвы и благословение Ялпынга. Но нет в его отряде людей северной Югры, нету ёрнов и сарáнов, нету нагаев, башкортов, казани, сибиров, печоры... Некогда их ждать. Омóль уже вбил свой кол.

Древней тропой от Сылвы на Мёртвую Парму давно, видно, никто не пользовался. Папоротник, буреломы... Заплыли белой смолой вырезанные на еловых стволах сóпры. Затянуло корой вбитые в деревья тамги, что указывают путь. Может, и лесные духи уже покинули парму? Шаман дремлет на спине оленя, держась за подпиленные рога и покачивая шест, на котором тихо звякает бубенчик, отгоняющий духов в тайгу.

Но вот конь под хонтуем вздрогнул, мотнул головой и фыркнул. Зверь раньше человека учует куля, который, почти невидимый, увяжется за путником. Успокаивая, Асыка ласково потрепал коня между ушами. Хороший конёк. Нята — Оленёнок. Два года назад он спас князю жизнь, когда на переправе через вздувшуюся Бур-Хойлу волна сбила князя с ног...

Шаман встрепенулся и затряс колокольчиком, качая рогами мохнатой шапки. Караван выходил к Брошенному Городищу. С болотистой опушки открывался вид на Мёртвую Парму. Огромная, похожая на медведя гора заросла могучими деревьями, но все они умерли, стояли сухие, голые, без коры, без хвои, без листьев. От заката лес-покойник пожелтел, как мамонтова кость. Брошенное Городище темнело у подножия горы, одним краем затонув в болоте. Сквозь

чахлое, кривое редколесье князь разглядывал его, на ходу отмахиваясь от комаров еловой лапкой.

Валы заросли дремучей и серой от паутины малиной, из которой торчали кривые зубцы частокола. Постройки обрушились. Из сырых ям высовывались сгнившие, осклизлые брёвна. Тонкие берёзки, словно птичья стая, разлетелись по Городищу. Заплесневев по шею, идолы-охранители косо чернели среди белых стволов. Бесстыже ярко горели мухоморы, и пучки поганок дрожали на трухлявых пнях.

Лёгкий озноб обметал виски князя, заставив вздрогнуть монеты на шапке. Дурное место. Так и чудится жёлтый, немигающий взгляд куля откуда-нибудь из болота. Ночами духам нравится приходить в покинутые людьми селения и играть там в свою любимую игру — в людей. Они сидят в ямах, как в домах, ходят в гости, роют землю, таскают брёвна, но потом забывают смысл игры и дико скачут по обвалившимся частоколам, вылезают в окна, прыгают с крыши на крышу, висят гроздьями на ветвях и оголившихся стропилах... Князь сплюнул в сторону Городища и положил ладонь на тамгу, нашитую на грудь кожаной рубахи.

Караван не спеша двигался вдоль склона Мёртвой Пармы. «Гляден — так называют её русы», — думал князь. Понизу гору охватывала ветхая изгородь, клонящаяся то наружу, то внутрь. Трава зелёно-белёсыми языками забиралась вверх, но чахла, сменяясь прелой хвоей и мхом. Скелеты деревьев неподвижно топорщили изломанные ветви над этой странной, застрявшей на отмели времени горой.

Обогнув плечо Пармы, караван миновал ворота со столбами-идолами, чьи остановившиеся глаза налились кровью камского заката. Невдалеке стрельнула искрой тёмная полоса речушки. Асыка, обогнав шамана, первым вывел Няту к травянистому берегу. Правее, на песчаном обрывчике, стояли балбаны родов — и совсем старые, побелевшие, треснувшие вдоль волокон, и новые, ещё желтеющие свежей древесиной. Зверолицые, птицеголовые, рогатые,

с человеческими личинами, глубоко врезанными в деревянную грудь... Воины каравана спешивались, заходили по колёно в воду, умывались. Звеня удилами, шумно пили кони и олени.

Дождавшись, когда Нята напьётся, князь тронул его и тихо поехал вдоль берега вниз по течению. Проплыло по правую руку устье Юрчима, и с пригорка открылся весь Шаманский Город. Он стоял посреди широкой вырубке, оцетинившись частоколами и шестами, и над ним огненным крылом Торума взметнулся закат.

По утопанной земле Священной дороги хонтуй медленно приближался к высоким валам с гребнем тына, к сторожевым вышкам на длинных и тонких ногах. По обе стороны дороги из кустов торчали чёрные головы истуканов. Могучие Перы-защитники высились над стенами, свирепо и невидяще вплялившись в путников выжженными дырами глаз. За частоколом виднелись острые углы односкатных пермяцких кёрку. Над ними густо и враскось взлетали ввысь шесты с колокольчиками, фигурками духов, пучками лент, лисьими и волчьими хвостами, птичьими колёдинками. Навстречу хонтую из раскрытых ворот с лаем покати́лась орава разномастных косматых псов, запрыгавших вокруг Няты. Сквозь собачий брёх в городе слышалось отдалённое позвякиванье молотков и шорох зернотёрки.

Князь остановил коня у моста, переброшенного через ров. Трещали кузнечики, орали вдалеке лягушки, отфыркивался Нята. В проёме ворот появился человек. Он тоже остановился и молчал. Князь не произнёс ни слова, разглядывая шамана и поджидая свой отряд. До темноты пришельцам нужно соблюдать молчание, чтобы духи, немые для обычных людей, могли хорошенько вызнать их, а ночью, когда для них наступит время говорить, — дали ответ.

Отряд постепенно собирался за спиной князя. Собаки метались под ногами лошадей и оленей, клацали зубами у самых ног всадников, но их никто не гнал ни окриком,

ни плетью, ни палкой. Асыка ждал, шурясь на закат и рассматривая город.

Не таким уж и неприступным выглядел он вблизи. Валы начали оплывать. В щелях частокола видны были подпорки, изнутри приставленные к брёвнам. Давно не чищенный ров заполняла чёрная вода, зятая ряской, над которой дрожали комары. Сторожевые вышки обветшали и рухнули бы под тяжестью двух-трёх лучников, а лестницы, ведущие на боевые площадки, не досчитывались ступеней. Только черепа на кольях — олени, медвежьи, человечьи — выглядели устрашающе. На страх и полагались шаманы, оберегая свой город. Но тот враг, который придёт, не испугается ни черепов, ни идолов, ни богов. Он устрашится лишь того, что сейчас принёс сюда в своей груди князь Асыка.

Город шаманов умел многое. Он восходил к богам и нисходил к ящерам, изгонял демонов и призывал духов. Он знал, как направить умершего к Полночному морю и как вернуть его обратно. Он считал звёзды, предугадывал будущее и помнил прошлое. Он умел лечить людей и добывать металл, сочинять песни и вырезать идолов. Он ссорил и мирил народы. Но шаманы не умели двух самых простых вещей в этой жизни — кормить себя и бороться с судьбой. Он, князь Асыка, пришёл сказать, что сделает это за них, если они поверят ему, поймут его и передадут его волю Вагирйома.

Последний воин нагнал поджидающий караван, и князь движением колен направил Няту по мосту. Человек в воротах отступил в сторону, пропуская князя, и пошагал вслед за ним рядом с шатром Вагирйома, звоном бубенчика на шесте отгоняя тени зла от её зелёного золота.

ГЛАВА 2

Хумляльт

Верховный шаман — пам — проснулся словно от толчка. Значит, где-то на другом краю Вышкара в это время проснулся князь Асыка. Тонкие нити уже связали пама с хаканом, хотя они ещё и не видели друг друга. Пам тяжело поднялся на своём низком лежаке и прикрыл ладонями глаза, останавливая бешеное мельтешение миров, сквозь которые навстречу пробудившемуся разуму неслась издалека его душа. Опершись на посох, пам встал, нашарил на столе бронзовую рукоятку огнива, высек искру на трут из бересты и, поддувая, запалил о него острый конец лучинки, пропитанной горючей смолой. «Пусть хакан видит свет в моём окне и приходит сюда», — подумал пам, опуская лучинку в горшок на плоском блюде, залитом водой.

Посохом открыв дверь, пам вышел из своего керку во двор. Над землёй, над Вышкаром, дико лучилась полночь.

Луна висела над Мёртвой Пармой, превращая белый сухой в колючие кристаллы хрусталя, которыми гора обросла, как изморозью. Где-то в страшной дали, опустив голову, созвездие Сохатого пило чуввинскую воду, а над Камой распахла вечную тьму Звёздная Ворга. Пам подошёл к низкой ограде двора и остановился, подперев посохом грудь. Лёгкий камский ветер забросил на лицо длинные белые волосы шамана, оплёл запястья прядями бороды.

Вышкар спал, только у ворот тлел костёр караульных да на кузнечном дворе в щелях домничной землянки то вспыхивал, то гас багровый ответ и вздыхали меха. Воины хакана тоже спали в отведённых им гостевых керку. Дом, где поместили князя и троих княжат, находился рядом с загоном. Пам увидел, как, задумчиво поправив полог на проёме входа, высокий человек направился к изгороди. «Нята, Нята!» — шёпотом позвал он. Разбуженные кони глухо переступали копытами. Между жердей высунулась голова Няты, и Асыка протянул коню на ладони угощение.

Напрямик, сквозь лопухи и мерцающие во тьме заросли крапивы, мимо пустых домов и собачьих шалашей князь зашагал на пригорок, ко двору пама. Шаман в лунном свете молча разглядывал лицо хакана — узкое, скуластое, как маска безжизненное, резко очерченное линией сивых волос, натуго стянутых в две косы.

— Входи, — сказал пам остановившемуся у калитки князю.

Пам знал, что про него говорят, будто он видит людей насквозь. Это было правдой. Пам видел души человека — две, три, пять, у кого сколько есть. Душа-ворон живёт с предками. Душа-филин — с духами. Душа-сокол — с богами. Душа-лебедь — там, выше богов, где движутся судьбы. А последняя душа, живущая с людьми, у всех разная: у кого утка, у кого воробей, у кого ястреб. В хакане Асыке пам не увидел ни одной души. Он был глух и целен, как камень.

Хакан остановился на пороге и провёл пальцем по фигурным пластинам замка на двери, а затем, прищурившись, оглядел жилище пама. Старый шаманский керку был сложен из огромных, уже замшелых брёвен с врезанными в них тамга́ми. Под самыми стропилами в узком волоковом окне синели звёзды. Пам заменил догоравшую лучину в горшке. Огонёк осветил кровлю из берестяных полос, на которой зашевелились причудливые косматые тени от пучков трав, висевших на стропилах. Стол был завален кусочками кожи, обрезками кости, черепками. На чувале, в котором догорали угли, громоздился древний, позеленевший котёл со щербатиной на краю и обломанным ухом. На деревянном гвозде висела траченная молью одежда шамана, расшитая амулетами и бахромой. В изголовье низкого лежака под шкурой, служившей покрывалом, желтел медвежий череп. Покосившиеся полки были заставлены драгоценными болгарскими, персидскими, арабскими блюдами, туеска́ми и горшочками с зельями. Один угол керку занимала груда коробов, в другом друг на друга были навалены резные чурки-иттармы, в которых жили души былых шаманов Мёртвой Пармы, предшественников пама. В земляной пол были втоптаны угли, обрезки кожи и отщепы костей, перья птиц, уже ответившие на вопросы пама и больше не нужные. Над входом топырились огромные лосиные рога.

— Чего тебе надо, хакан? — спросил пам, деревянной кочергой шевеля головни в чувале.

— Я хочу увидеть Канскую тамгу.

— У меня её нет. Она там, где и должна быть, — на иттарме последнего кана.

— Проводи меня туда, старик.

— Ты увидишь её завтра, во время жертвоприношения.

Хакан помолчал, наблюдая, как шаман бронзовой ложкой на длинном черенке вылавливает из котла угольки.

— Я хочу увидеть её сейчас. Проводи меня. Я тебя прошу.

Пам подумал и опустил ложку в котёл.

Они медленно шагали по Священной дороге. Трещали кузнечики, во рву у Вышкара пели лягушки, в реке изредка всплывала рыба. Неприкаянные духи бродили по лесу, шумели ветвями, вздыхали, перешёптывались. Только Мёртвая Парма горбилась, как глыба подземной тишины. Однако для пама она не была горой мрака и безмолвия. Для старого шамана она была словно бы мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьётся вместе с высоким ходом судеб, что как тучи плывут над памом и князем, над Мёртвой Пармой, над народами, богами и звёздами.

— Скажи мне, хакан, ведь посвящение молодых князей — это только повод привезти Вагирийому туда, где находится Канская тамга, так?

— Так, — согласился Асыка. — Я хочу получить Канскую тамгу.

— Но ведь с тобой нет ни хакана, ни хонтуев от Югры. И наш князь в Йемдыне служит русам за пьяную воду, как собака за кость. И о намерении твоём не знают другие народы Саранпала и Мансипала. И те, кто считает себя нашими хозяевами, не давали на это своего разрешения. И даже твой собственный народ не знает, зачем ты поехал к Мёртвой Парме...

— У меня нет хозяев, чтобы я выпрашивал позволения, — жёстко ответил Асыка. — А мой народ и другие народы пойдут за мной, когда у меня будет Тамга.

— Откуда ты знаешь? Ты умеешь читать будущее?

— Я знаю, пам. Для этого знания мне не нужно гадать по перьям, не нужно следить за полётом священных птиц, не нужно выпускать кишки жертвенным козам. Я знаю, пам. И поэтому я хочу, чтобы ты отдал мне Канскую тамгу без сомнений.

«Хумляльт», — понял пам. Князь Асыка — хумляльт. Человек, идущий навстречу. Человек призванный, человек одержимый. Князь Асыка, убивший отца, живущий

без старости, изгнавший жену-ламию, — хумляльт. Он не вершит судьбами народов и земли, ибо судьбы эти вершатся сами собой по законам, которым подчиняются даже боги. Но если судьбу народа уподобить обвалу, камнепаду, то князь будет в нём самым большим камнем, что катится впереди всех, расшибает преграды и торит путь, по которому вслед за ним несутся прочие валуны. Не зря пам увидел князя глухим, как скала. У хумляльта нет ни одной души.

— Канская тамга даётся только общим решением людей наших гор...

— Неправда. Ты сам это знаешь, старик. Кан Кудым получил её от своего увтыра. Кан Реда получил Тамгу от тех, кто потом, изгнав соплеменников, назвал себя «вису». Кан Атыла взял её себе сам. Ещё нужно вспоминать, старик?

Шаман долго молчал, сокрушённо качая головой.

— Но тебе не удержать её, хакан, — наконец сказал он.

— Почему?

— Я помню историю про сына хакана Кероса. Он ведь поменял свою тамгу русскому мальчику на серебряный крест...

Асыка недобро усмехнулся.

— А когда Керос хотел за это лишить сына родства, сын убил отца и в двенадцать лет сам стал хаканом, завладев его тамгой, — закончил историю князь. — Но это было давно, старик. Я думал, что у тех событий на Мамыльском пороге осталось только три свидетеля: я сам, русич Калын и моя жена Айчэйль, ламия...

— Свидетелем тому был не я, а мой брат. Он уже состарился и умер, хотя был младше меня. Смотри, хакан, какой я дряхлый: ноги меня не слушаются, глаза слепнут, волосы поседели... А ведь я тебя моложе. Почему же ты не стареешь? Ты и вправду бессмертен, хакан, как все хумляльты и ламии?

— Ты ведь лучше меня знаешь порядок вещей в мире, старик. Бессмертен любой, кто не доделал своего дела.

ГЛАВА 3

Канская тамга

Два высоких идола — богатыри Играмшор и Шавельшор — держали тяжёлую балку ворот, ведущих в пределы Мёртвой Пармы. За воротами стеной стоял погибший лес. Наверное, такие же леса растут на проклятых островах Пёти-Ур в ледяном полуночном океане, по которым в вечной тьме, стеная, скитаются души предателей. Пам чувствовал, что в этих высохших и окаменевших стволах нет ничего и никого — ни духов, ни кулей, ни демонов. Разве что злая мансийская ведьма Таньварпеква заглядывала сюда, но сразу же мчалась дальше на своём седом волке-людоеде Рохе. «Холатур — так манси называют Мёртвую Парму», — вспомнил шаман.

— Зачем тебе Канская тамга, князь? — спросил он, первым шагая по чернеющей во мху тропинке.

— Настало время войны.

— Ты хочешь изгнать русов? Чем они тебе мешают?

— Ты и сам знаешь ответ, старик.

Шаман концом посоха сдвинул с пути белую ветку с семью скрюченными пальцами.

— Рус русу рознь, — сказал он. — Новгородцы — да, это волки, рвущие живое мясо. Но московиты идут к нам с миром. Они строят здесь свои селения, растят своих детей и, как мы, терпят притеснения от своего кана. Но ведь русский кан не жаден. Казани мы платим харáдж в три танги с лука, а яса́к русов вчетверо меньше — всего два соболя. Даже самый захудалый охотник сможет за год добыть двух соболей, чтобы откупиться от кана русов.

— Почему на своей земле мы должны откупаться от чужеземцев?

— Лучше откупиться соболями, чем кровью.

Тонкие и высокие ели с редкими сучьями и голыми вершинами торчали по склону густо, как копыя хонта, воткнутые в погребальный курган его хонтуя. В неровной россыпи звёзд над Мёртвой Пармой зияли дыры, словно некоторые звёзды сорвались и упали вниз, будто спелые кедровые шишки. Если Поясовые горы — и вправду великан Кам, уснувший после своего подвига, то Мёртвая Парма — это его колчан. Весенние ливни и осенние бури ломали умершие деревья, но те не падали, а зацеплялись за собратьев и так и висели в высоте.

Это остановившееся движение ещё больше омертвляло и без того страшный лес. Кое-где среди стволов торчали вертикально вкопанные лестницы, чтобы боги могли спуститься по ним на землю к людям. Но паму казалось, что эти лестницы выдвинули из недр подземные человечки сиртя́: видно, жить в оцепеневшей горе им стало так жутко, что они бежали из глубин на небо.

Пам свернул на боковую тропинку в обход горы, где росла священная ель — единственное живое дерево на Мёртвой Парме.

— Русы-новгородцы — давние наши враги, — сказал Асыка. — А давние враги — это почти друзья. Как и всем

прочим, им нужны были наши богатства. За эти богатства они честно платили кровью и уходили. Но москвитам кроме наших сокровищ нужна ещё и вся наша земля. Они шлют сюда своих пахарей с жёнами и детьми, чтобы те своим трудом и кровью пустили в нашу землю свои корни. Если они сумеют это сделать, выкорчевать их отсюда станет невозможно, потому что земля наша каменная, и их корни обовьются вокруг камней.

— Что ж, — возразил пам, — если они так хотят, то пусть платят кровью, пускают корни и живут. Наши предки поступали так же.

— Нет, ты меня не понимаешь, старик, — с досадой сказал князь. — Можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами. Враги приносят к нам свои мечи, а москвиты принесут нам своего бога. Мечи мы сможем отбить, а с богами человеку никогда не справиться. Если мы покоримся богу москвитов, то у нас уже не будет ни родных имён, ни песен, ни памяти — ничего.

Шаман глубоко задумался. Еловые остроги постепенно сменялись остовами берёз, кедров, сосен, лиственниц — тропа выводила к древней части святилища на том склоне, под которым затонуло в болоте брошенное городище. Появились прогалины, на которых лежали полуистлевшие идолы легендарного народа Вёлмот-Вёр, ушедшего с земли больше тысячи лет назад. Этот народ поклонялся богам хаканов и хонтуев — страшным звероподобным чудищам с почерневшими от жертвенной крови клювами, рылами, когтями, пастями.

— Почему ты считаешь, что бог москвитов погубит наши народы? — с трудом перешагивая идола, спросил пам.

— Ты лучше разбираешься в делах богов... Скажи мне сам: какие они, боги?

— Боги?.. — Остановившаяся передохнуть, пам взглянул на огромную голую луну, на Звёздную Воргу, распахавшую небо. — Мне трудно ответить так, чтобы тебе, воину, это

стало понятно... Для каждого нашего народа есть священные уста, с которых к нам долетают слова вечности. Мёртвая Парма у нас, у пермов. Пуррамонитурр у зырян. Ялпынг у вас, у манси. Лонготьюган у хантов. Хэбидя-Пэдара у ненцев... Для всех нас священна Солнечная Дева — Заринь, Мядпухóця, Вут-Ими, Егибóба, а по-вашему — Сорни-Най. Её устами говорит Вагирйóма. Но, ожидая ответа из этих уст, мы спрашиваем не гору, не предка, не бога, не идола. Мы спрашиваем что-то большее, которое одновременно и гора, и предок, и бог, и идол... Всё, что есть, — это одно и то же, всё это — одна цепь, а мы видим только её звенья. Связь между звеньями этой цепи ваши шаманы называют «ляххál» — «весть». Судьба — это весть земли, боги — вести судьбы, люди — вести богов, земля — весть людей... Ты спрашиваешь меня так, словно возможно дать окончательный, последний ответ или, наоборот, словно бы есть первая, изначальная точка, от которой мы могли бы верно отмерять правду в нашей жизни...

— Не очень ясно, хотя я понимаю тебя, старик, — кивнул хакан. — Но если ты сравниваешь мир с цепью, скованной в кольцо, то я скажу вот что. Заменяв своего бога на чужого, мы разрываем эту цепь, и мир рушится.

Они подошли к высокому идолу Торума. Прародитель был изображён сидящим, а на его коленях покоилась чаша с монетами, перемешанными с землёй. Хакан отцепил с налобного кольца дирхэм и тоже бросил его в чашу. По обеим сторонам Торума сурово возвышались покосившиеся от времени балбаны сульдэ с сучьями-крыльями и лосиными рогами. У их ног, до дыр проклёванные грачами, белели черепа медведей. Пам, кряхтя, наклонился и поправил священную выкладку. Пусть дух Великого медведя Оша не оскорбляется небрежением к головам его детей.

— Почему мир должен разрушиться, если здесь поселится русский бог, пусть даже он и вытеснит наших богов? — спросил пам, печально глядя на растрескавшийся

лик Торума. — Хакан, ты не суеверный охотник, который видит лишь вёрс, вуншёрих и вáкулей. Ты знаешь: пусть сменятся облик, имя, обряд — дух останется прежним. Ничего с миром не случится. Уж не вообразил ли ты себя Мян-дашем, спасающим Солнце от Йомы?

Они снова зашагали по тропинке, которая должна была привести к кладбищу канов. За спиной Торума тихо позванивала на ветру целая роща мёртвых берёз, увешанных бронзовыми и медными фигурками, обвязанных ленточками беременных женщин. Этот звон звучал в темноте окостеневшего леса очень грустно.

— Бог русов — не наш бог, — сказал Асыка. — Наши боги рождены нашей судьбой, нашей землёй. А их бог рождён даже не их землёй, а самой-самой дальней, где-то на краю мира, где садится солнце и почва от его жара бесплодна, суха и горяча, как жаровня. Что делать этому богу у нас, среди снегов, пармы, холодных ветров?

— Мало ли кто где рождён, — усмехнулся шаман. — Мы с тобой вышли из чрева матери, а Ен из яйца — ну и что?

— Наши боги — это боги судьбы и трёх миров. А бог русов — это бог человека, и одного только человека. Для него ничего нет: ни земли, ни народа, ни предков. Я слушал русских шаманов. Их бог — изгой, бродяга, он бросил свою мать.

— А ты убил отца.

Князь зарычал сквозь зубы, но шаман даже не оглянулся. Молча они шагали по тропе дальше. Торчали из земли колья с надетыми черепами. Вырезанные прямо в деревьях балбаны пялились в звёздное небо. Валялись во мху трухлявые иттармы, поваленные ветром древние истуканы. Деревья топорщились черенками жертвенных стрел и рукоятями ножей, с которых свисали верёвочки, некогда державшие кошельки с подношениями.

— Среди наших гор люди и боги одинаково идут дорогами судьбы! — громко и яростно сказал Асыка. — Нас

ведёт воля нашей земли, и нас судят предки! Ни люди, ни боги не могут свернуть со своего пути, помедлить на нём или пойти по нему вспять! Поэтому мы живём в вечности, и земля наша нерушима!

— Это верно, но это слова хумляльта, — негромко произнёс пам.

— А русы сами выбирают дорогу и идут по ней куда хотят и как хотят! — не слыша пама, продолжал хакан. — Они говорят, что волос с их головы не падает без воли их бога! Но ведь ты, пам, знаешь, что голоса богов не звучат в ушах каждого, иначе и нам, и русам не нужны были бы шаманы вроде тебя. Значит, русы сами объединяют себя и своего бога и всегда несут его в себе таким, каковы они сами! Это не вера, пам, а безверие! Это не воля земли, а желание человека! Русы не принесут нам другого бога, как думаешь ты, — они просто уничтожат всех богов, и будет пустота! Они бренны, и всё, что они сотворят, рано или поздно погибнет, и земля их погибнет тоже! Я не хочу, чтобы наша земля стала их землёй и погибла вместе с ними! Почему же ты спокоен? Русов надо гнать, пока ещё не поздно, надо убить их жён и детей, стереть их города, изжить даже память о них! Ты говоришь: пусть приходят, если не помещают. Но каждый их кол, вбитый в нашу землю, — это кол Омоля! Вспомни: когда Ен и Омель делили землю, Омель выпросил себе кусочек шириной в один шаг, чтобы хватило только вбить кол. Но из дыры от него вылезли все духи зла, которые и сейчас льют реки крови!

Шаман резко остановился и, выбросив руку, указал князю под гору. Там, внизу, топорщился густой и плотный колóк мёртвых елей, обнесённый высоким тыном.

— Видишь это, хакан? — спросил пам. — Два века назад на нашей земле насмерть бились люди вису и люди угру, пока великий кан Редя не изгнал угру прочь. Он уже и сам не знал, из-за чего началась эта война, что не поделили на этой огромной земле два маленьких народа. Когда

он победил, он плакал от горя! Босой, он прошёл от Мёртвой Пармы до Хэбидя-Пэдары. Он целый год молчал и молился у Зарини, у Сорни-Най, чьё дитя ты привёз к нам вчера. А потом он взял войну, положил её в горшок и горшок оставил в этой роще. И рощу обнесли частоколом, чтобы война оттуда не убежала, и поставили охранителей, и никто с тех пор не входил в эту рощу, а если с дерева за частокол падала хоть ветка, хоть шишка, хоть еловая иголка, то шаманы подбирали их и бросали за колья обратно. Ты же, хакан, просишь Канскую тамгу, чтобы выпустить войну на волю. Не русы со своим богом, каким бы он ни был, а ты, слепой хумляльт, пробьёшь колом Омоля первую дыру, из которой хлынет нескончаемый поток крови!

Старый шаман, задохнувшись, схватился за сердце и словно обвис на своём посохе. Хакан стоял рядом, стискивал в кулаке свою тамгу и упрямо глядел в сторону, на Звёздную Воргу.

— Ты слишком стар, пам, — презрительно сказал он. — Твоё сердце одряхлело. Ты не мужчина. Ты боишься крови.

— Бессмысленной крови должен бояться даже мужчина, — пробормотал шаман.

Он медленно распрямился и поковылял вниз по тропе. Шаман и князь шли мимо проклятой рощи, мимо жертвенных ям и болванов с золотыми блюдами вместо лиц, мимо огромных клубков из искривлённых и переплетённых воедино еловых стволов на могилах шаманов — древние умели гнуть не только кости, но и целые деревья, свивая их в змеиные узлы. Наконец за изгибом склона блеснула под луной речка, и пам вывел хакана к кладбищу канов. Чáмьи — погребальные домики на высоких столбах — обозначали захоронения самых великих вождей Каменных гор. Кое-какие могилы были пусты — не все каны обрели покой на родной земле. Но чамьи хранили их иттармы как залог того, что души канов вернулись в отеческие горы.

— Вот чамья последнего кана Судога, который двести с лишним лет назад разметал монгольские тумыны в устье Чусвы, в битве при Чулмандоре, — сказал пам. — Канская тамга на его иттарме. Ты можешь взять её, Асыка. Но помни, что я тебе её не давал.

Хакан молча поднял валявшуюся неподалеку лестницу и приставил её ко входу в чамью. Поднявшись на несколько ступеней, он откинул кожаный полог и по пояс всунулся в амбарчик. Через несколько мгновений он уже выбрался обратно, бережно держа в руках большую, облачённую в соболью ягú деревянную куклу-иттарму. С шеи иттармы на цепочке свисала позеленевшая от времени, обломанная по краям священная Канская тамга.

— Может быть, нашим народам судьбою как раз и уготовано покинуть своих богов?.. — почти умоляюще спросил шаман, всё ещё надеясь остановить хумляльта. — Можно отречься от всего, но ведь это не изменит ход вещей в мире, ибо вещи эти превыше любого человека и целого народа...

— Замолчи, — велел хакан.

Луна над Мёртвой Пармой ярко освещала жёсткое лицо князя, с иттармой в руках стоявшего на лестнице над шаманом. Князь долго глядел в лицо чурку-Судогу, словно хотел что-то понять.

А потом спокойным и уверенным движением хакан Асыка положил иттарму на порог амбарчика, снял с неё Тамгу и снял тамгу со своей шеи. Держа обе тамги на ладонях, будто взвешивая, какая из них тяжелее, он поднял лицо к небу. Звёздная Ворга Каменным Поясом пересекала небосвод. И хакан Асыка, словно в воду родника, окунул голову в кольцо цепочки древней Канской тамги.

ГЛАВА 4

Станица

Демьян Ухват спал на карауле. Он ушкúйничал уже три десятка лет, и чутьё на опасность не подводило его даже во сне.

Русская станица на Гляденовской горе пряталась в проклятой роще, где кан Реда оставил горшок с войной. Калина говорил, что не стоит тревожить здесь лиха, но Ухват плевал на все его страхи. Пермяки сюда не сунутся — вот что главное.

В станице было девять человек: пятеро новгородцев во главе с Ухватом, три ратника из чердынской полусотни Полюда и проводник — неясный человек Васька Калина. Весной епископ Питирим от какого-то своего согладата прознал, что в конце лета вогулы привезут на Гляден Малую Золотую Бабу и будут при ней короновать — или чего они там делают? — своих княжичей. Золотая Баба — добыча сказочная. Но ратников за ней ни епископ, ни Полюд, ни князь Ермолай послать не могли. Попадётся княжья станица в когти

вогулам, так ничем потом кашу не расхлебать будет. Ну а ушкуйники — люди вольные. Коли влипнут, так князь здесь ни при чём. Дескать, я не я и лапа не моя. К тому же в лихом промысле новгородцы половчее будут, чем полюдовы витязи, распухшие от чердынских пельменей. Но чтобы ушкуйники с хабáром мимо князя, епископа и сотника во-свосяи не утекли, владыка и навязал им этих троих Иванов — дядю Ваню, Ванюху Окуня да Ивашку Меньшого. А в проводники — храмодела Калину. Неизвестно, как там Калина церкви ставит, но в дремучем чудском чародействе понимает не хуже шамана, разве что сам не камлает.

После Петрова дня станица вышла из Чердыни, а вчера ночью, спрятав наса́ду в кустах, прокралась мимо городища к Глядену и спряталась в проклятой роще.

Широко раскинув ноги в татарских ичигах, Ухват ничком лежал среди гнилых сучьев у самого частокола. Солнце перевалило за полдень и пекло ушкуйника прямо в лысину. Расклеив мутные глаза, Ухват заворочался, вытащил из-за пазухи колпак и нахлобучил на голову. В это время где-то внизу, у ворот на Мёртвую Парму, забренькали шаманские бубенцы. Ухват приник глазом к щёлке между кольями.

Ему хорошо была видна здоровенная проплешина на склоне Глядена. Здесь стояла толстая, как колокольня, священная ель. Ободранная понизу, расколотая пополам обугленной трещиной, сверху ель всё равно ещё зеленела редкой хвоей. Вся голая поляна вокруг была изрыта жертвенными ямами, откуда торчали пережжённые кости, была утыкана большими и малыми, новыми и старыми истуканами, сплошь обвешанными разными побрякушками и бусами. На каменных плитах-жертвенниках возле истуканов что-то поблёскивало, а на блюда и горшки в ручищах, на коленах и подле ног идолов Ухват хитро щурился, накручивая бороду на палец.

Под звон колокольцев из ворот повалили пермяки. Впреди шли шаманы с бубнами и дарами; потом дюжие воины

с косицами вели троих измученных пленников; дальше в одиночку шагал князь, за ним — три княжича; наконец, волосатые, дикого вида люди в красной одежде и в берестяных личинах тащили на носилках маленький шатёр. «Идолица — там», — сразу понял Ухват.

Шаманы остановились возле трёх новых истуканов, рядом с которыми свежей сырой землёй темнели недавно выкопанные ямы. Ухват изогнулся, чтобы удобнее было разглядывать, чего там пермяки станут вытворять. Шаманы долго завывали, плясали кругами, то почти распластываясь по земле, то подпрыгивая, звенели бубнами, жгли какую-то дрянь на палках. Потом выпустили целую тучу голубей и на четвереньках, с поклонами поползли к истуканам, толкая перед собой по земле блюда и горшки. Воины поставили пленников ногами в ямы, заткнули рты кляпами и привязали к идолам. Те, что были выряжены в красные сермяги, бережно сняли с носилок тяжёлый шатёр и перетащили в дупло, выжженное молнией в священной ели. «Хоть бы полоть-то откинули, собаки, — азартно подумал Ухват. — Посмотреть на Бабу-то... Много ли в ней золота или так, на три напёрстка...»

Наконец толпа потянулась обратно. Ухват перевел взгляд на оставленных пленников — старика, парня и девуку. «Больно схожи старик с парнем, — подумал он. — Небось отец, сын и невестка. Значит, вогулы где-то по пути починок разорили... На закляние, чай, людишек приготовили... Жаль души христианские, ну да ничего не поделать. Коли отвязать их да отпустить, то и самим без хабара нужно ума тывать, а днём далеко не уйдёшь...»

Сняв колпак, Ухват перекрестился, потом перевернулся на спину и облегчённо вытянулся, прикрыв глаза.

Из дремоты его вывели далёкие голоса, шаги и звон бубенцов. На дороге, приближаясь, опять бухали бубны. «Идут бесов тешить», — понял Ухват, снова переворачиваясь на брюхо. Сзади хрустнул сучок, и он злобно оглянулся.

На шум толпы к частоколу поглазеть ползли и ратники, и свои ватажники.

— Цыц! — шёпотом рявкнул Ухват. — Куда попёрли, дуrolомы? Башку на вогульский кол посадить охота?

— Дак любопытно, чего брынчит-то, Дёма, — вытирашив наивные глаза, прошептал Сёмка, самый младший из ватаги.

— Зубы твои сейчас забренчат, возгрá, — тихо ругнулся Ухват. — Ну-ка пошли все прочь!

Недовольно сопя, станичники отползли обратно. Только двое — давний напарник Ухвата Ероха Смыка и Васька Калина — беззвучно скользнули меж валежника к щелям в частоколе. Ухват покосился на Калину. Тот разглядывал пермяков, гурьбой поднимавшихся по склону, кумирню с пленниками. Обветренная, багровая скула Калины смялась складкой злого оскала. Калина тоже обернулся на Ухвата.

— Давно их тут поставили? — спросил он.

Ухват усмехнулся и кивнул.

— Иуда, — сказал Калина.

— Да уж не Моисей, ивреев из Египта выводить, — хмыкнул Ухват. — Я с хабара по ним в Успенье на Волотовом поле на серебряную ризу дам.

— По себе дай, — отворачиваясь, ответил Калина.

Ухват не ответил, снова приникнув к щёлке между кольев. Пермяков на мольбище собралось человек сто. Они были в тёмных лохматых одеждах из шкур, непривычных русскому глазу, а потому походили на зверей, вставших на задние лапы, или на оборотней, уже превращающихся в людей, но ещё не до конца превратившихся, а может, и на диких духов своих буреломных лесов и болотных бучил. Выстроившись неровными рядами, пермяки положили руки друг другу на плечи и медленно, вперевалку раскачивались под звон бубнов, тупой гул деревянных барабанов и заунывный вой медного варгáна, который держал в зубах шаман, опустившийся на колени и ссутулившийся. Ухват

почувствовал, что и в его душе что-то струнулось от этого мерного, общего движения, от ударов и воя. Плечи поневоле повело, и Ухват перекрестился.

Камлание началось. Вертелись, кривлялись, прыгали шаманы, одетые медведями и лосями. Взвились костры, в которые бросали горсти драгоценной соли, взрывающейся синими снопами искр. Воины что-то дружно распевали, вдруг раздражаясь дикими криками и вскидывая над головами копыя. В дыму костров шестами гоняли очумелых голубей. Многоголосицу пенья словно раздирали на куски пронзительные, скребущие по сердцу вопли многоствольных дудок-чипсáнов. В забулькавшие котлы полетели корешки трав и листья, мухоморы и кора. Одурающий дух пополз от кумирни вниз по склону, и Ухват, натянув ворот армяка на усы, чихнул. Воины черпали из котлов глиняными кружками пойло, пили его и разбивали кружки о ноги идолов.

Один из шаманов раскидал по земле бронзовые гадательные фигурки и хлестал по ним плетью, глядя, какая перевернётся, а какая нет. Другой шаман из брюха огромной белуги, проткнутой через глаза золотой палочкой, выматывал длинные петли кишок, читая грядущее. Рядом кололи коз, рубили головы птице, рвали мясо, пили свежую кровь, жрали печень. Пьяные, растрёпанные, перемазанные кровью, жиром, грязью люди бесновались и падали, потеряв силы. Дым и чад обволокли поляну возле священной ели.

Багряное солнце доньшком коснулось синих закамских лесов. Лучи его напрямик понеслись вдоль просеки-дороги от ворот к вершине Глядена и ударили в священную ель. Тотчас целый рой завывающих вогульских стрел со свистульками в остриях взлетел в густо потемневшее небо. Полог, укрывавший Золотую Бабу, словно сам собою пополз вверх. Ухват втиснулся лбом между кольев.

В чёрном, обугленном дупле тускло засветился золотой истукан. Маленький, грубо и плоско выделанный из болванки зеленоватого золота, он глядел из полумрака